

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a night scene in a desolate, wooded area with gnarled, leafless trees. In the distance, dark mountains are visible under a deep blue night sky. A large, bright full moon hangs in the sky, partially obscured by the title text. In the foreground, three figures wearing dark, hooded robes are sitting in a circle around a small, bright campfire. The fire is the primary source of light, casting a warm glow on the figures and the ground. Scattered around the campfire and in the foreground are several human skulls and bones, suggesting a macabre or horror theme. A shovel is leaning against the figure on the right. The overall mood is eerie and mysterious.

Тёмная ночь чёрного археолога

Прохор Петрович

18+

Проход Петрович

Тёмная ночь чёрного археолога

«Автор»

2025

Петрович П.

Тёмная ночь чёрного археолога / П. Петрович — «Автор», 2025

«Тёмная ночь чёрного археолога» — это не просто хоррор, а мрачный сказ о столкновении человеческого любопытства с древним, непостижимым Злом, укоренившимся в самом лоне земли. Автор мастерски выстраивает атмосферу нарастающего ужаса: от беззаботных посиделок кладоискателей у костра до леденящего душу ритуала. Найденный артефакт оказывается не сокровищем, а ключом, открывающим врата в иной, чуждый мир, где законы природы заменяются законами древнего культа. Повествование пронизано мифологическими аллюзиями и фольклорными мотивами, обретающими здесь новое, жутко реалистичное содержание. Герои, движимые азартом и жадой открытий, становятся пешками в игре, разыгрываемой силами, чья природа лежит за гранью человеческого понимания. Автор не просто пугает, он заставляет почувствовать хрупкость цивилизации, тонкую грань, отделяющую наш уютный мир от первобытного хаоса, спящего под плитами древних дольменов.

© Петрович П., 2025

© Автор, 2025

Прохор Петрович

Тёмная ночь чёрного археолога

Часть I: Хорошие находки

Всполохи огня освещали уставшие лица. День выдался длинным, насыщенным приключениями и находками. Бивак решили разбить на окраине поляны, у самой границы с лесом, под огромным развесистым дубом – древним стражем, чьи корни, казалось, уходили в самую преисподнюю.

Поздней осенью в предгорьях Кавказа уже случаются морозы: изо рта идёт пар, а трава покрывается хрупким слоем инея. Чтобы согреться и просушиться, друзья уселись поближе к костру. Уставшие после изнурительных поисков, сопровождавшихся долгими подъёмами вдоль оврагов и ручьёв, они с наслаждением пили горячий чай, предвкушая ужин, томившийся в котелке.

– Санёк, давай показывай, что сегодня поднял! – обратился бородатый мужчина средних лет, сидевший напротив паренька. – Я видел, ты там у родника долго чего-то ковырялся. Рыжего, небось, пару кило взял, а с нами делиться не хочешь! – Борода раскатисто засмеялся. Эхо разнеслось на сотни метров, птицы всполошились и с криком взмыли ввысь.

– Да нет, какой там! – улыбнулся Саша. – Нашёл почти целый женский серебряный пояс в неплохом сохране, да ещё по мелочи. – Он достал из рюкзака аккуратно упакованные находки.

– Ничего себе, по мелочи! – воскликнул Борода, светя фонариком на находки. – Фибула в идеале, да ещё такая патина! Хорош!

– День сегодня и правда хороший выдался, – одобрительно проговорил третий мужчина, сидевший рядом с Сашей. Это был его брат Андрей, старший группы, самый бывалый из компании, настоящий поисковик-профи, занимающийся кладоискательством уже более двадцати лет.

– Что это за интересная штукавина? «Никогда не видел ничего похожего», – сказал Андрей, рассматривая одну из находок в Сашином пакете.

Андрей вытащил на свет шар тёмно-зелёного, почти чёрного цвета. С одной стороны у шара было ушко, сделанное, по всей видимости, для ношения на шее. Андрей пристально стал разглядывать загадочный шар, протирая его носовым платком.

– Какой-то орнамент нанесён на поверхность. И шар, кажется, полый внутри, но никак не получается открыть – металл окислился.

Андрей поднялся со своего места, подошёл к сумке с продуктами и достал оттуда лимон. Отрезав половинку, он выдавил сок в кружку с водой и опустил туда найденный шар.

– Пушай немного постоит около костра, должно откиснуть, – проговорил Андрей.

– Ты голова, Андрюх! – Борода тыкнул себя несколько раз в висок. – Я бы в жизни не догадался!

– Забыл вам рассказать, – сказал Андрей. – Там, в лесу, через который мы шли перед подъёмом на этот холм, я случайно наткнулся на охотничий капкан. Хорошо, что аппарат записал, и я не наступил в него.

– Жесть! – проговорил Саша.

– Если судить по количеству засидок на деревьях, – продолжил Андрей, – то здесь много зверя и много охотников. Надо быть аккуратнее и внимательнее. Вообще считаю, что охота с помощью капкана – это самый негуманный способ. Животные, попавшие в капкан, могут несколько дней мучиться от боли. Иногда бывают случаи, когда медведи попадают в капкан или в петлю, перебивают себе лапу, но им удаётся выбраться. А медведь-подранок – это самый опасный зверь: он озлобленный, не может нормально находить пищу, со временем больной

зверь способен напасть на человека и стать людоедом. Поэтому, друзья, смотрите под ноги. А если увидите капкан, разрядите его, бросив что-нибудь тяжёлое, вроде камня, или вставьте длинную палку.

Воцарилось продолжительное молчание. Глядя на колышущиеся языки пламени, каждый думал о своём, и только треск сгорающей древесины в костре изредка прерывал тишину. Взошла луна; сегодня завершался лунный месяц. Полный диск, повисший над вершинами гор, придавал всей атмосфере таинственность. Ветер стих, не было слышно ни птиц, ни зверей, как будто поляна вместе с людьми и окружающим лесом погрузилась в какой-то неведомый вакуум. В этом неестественном спокойствии, окутанном мраком, становилось не по себе.

– Слышали легенду о чёрном археологе? – обратился к товарищам Борода. – Сразу скажу: легенда не обо мне! – Все засмеялись. Он хотел как-то разбавить нависшую неприятную атмосферу и решил повеселить друзей старой байкой.

«Жил-был на свете один известный археолог. За свою долгую карьеру он сделал ряд значимых научных открытий в вопросах этногенеза Майкопской культуры. Наш герой был любим и уважаем коллегами, имел научные звания, писал интересные статьи, публиковался за рубежом, в общем, почтенный учёный и порядочный человек.

Так вот, в конце 80-х годов наш неутомимый исследователь отправился в очередную экспедицию на целый сезон куда-то в эти края, вроде даже в тот же район, где мы с вами сейчас копаем. Взял с собой из института крепких ребят для физической работы и молодых девушек-практиканток, чтобы скучно не было, ну и чтобы у крепких парней мотивация была вкалывать, пока солнце ещё высоко.

Приехали они группой на место, обустроили лагерь и стали выходить на разведку по радиальным маршрутам, попутно отмечая точки с перспективными для исследований местами. Так продолжалось несколько недель, пока случайно не набрали в лесу, где-то рядом с вершиной холма, на целехонький, огромных размеров дольмен. А как вы знаете, мои любознательные друзья, в дольмен просто так не попадёшь: хотя в нём и есть небольшое окно, оно имеет скорее символическое значение: древние верили, что с помощью него мир живых связывается с миром мёртвых.

Думают они, значит, что дальше делать, как попасть внутрь. Обычно ведь грабители подламывали одну из плит, чтобы пробраться в дольмен и похитить спрятанные там подношения в виде оружия и украшений, а тут ни с одной стороны ни намёка на взлом. Думали, думали, выкурили пару папирос, и наш профессор вот что удумал: нужно было сделать подкоп вдоль боковой стены дольмена и найти, где расположен стык фундаментных плит. Прокопали они, значит, вдоль боковой стены фундамент, нашли стык плит и начали домкратить заднюю плиту, чтобы сдвинуть её немного в сторону, дабы образовался проём. Корячились они так несколько дней, сделали что-то наподобие рычага из стволов деревьев, и после нескольких неудачных попыток у них всё же получилось сместить плиту, образовался лаз.

Наш археолог никого из молодёжи не пустил внутрь, решил сам испытать свою судьбу. Кряхтя, кое-как пробрался он внутрь и видит: скелет бабы лежит, слегка припорошен землёй. Ну, он аккуратненько снял слой, а там – подвески с драгоценными камнями, браслеты из меди, зеркальце из чистейшего золота, гребни для волос из серебра. Даже наш бывалый профессор такого изобилия никогда не видел.

А ребята, добры-молодцы, всё это время удерживают подпирающий механизм, но силы начинают покидать их. Они торопят нашего профессора, чтобы тот побыстрее выбирался оттуда. Профессор в спешке собирает всё добро и тут видит какую-то странную рукоять, торчащую на стыке пола и стены. Он думает, что это рукоятка меча, и хватается за неё, тащит на себя. Но это оказался какой-то рычаг. Потянув его, нижняя плита провалилась, и профессор тут же полетел кубарем вниз.

Оказалось, под дольменом находились огромные пустоты – там был древний город, который построила другая цивилизация, жившая в этих местах задолго до прихода человека. Говорят, с тех самых пор чёрного археолога или его неприкаянный дух можно встретить в этих лесах: он заманивает путников в чашу, чтобы показать, где расположен тот самый дольмен. Местные обходят эти места стороной, называя их Чёртовым городищем или Чёртовым лесом. Много охотников и нашего брата сгинули здесь».

– Хорошая байка перед сном, – бодро произнёс Андрей. На самом деле ему было не по себе, но не из-за истории – его не давало покоя какое-то тревожное чувство. Он старался отогнать плохие мысли.

– А мне даже понравилась! – сказал Саша. – Я где-то правда слышал эту историю про профессора-археолога, мне кажется, читал статью в газете

– В какой газете, в «Спид-инфо»?! – Борода громко заржал.

– Да нет же! Там реально большой репортаж выходил про это, брали интервью у участников событий, нашли даже тех самых студентов, – Саша встал и разгорячённо начал рассказывать. – Журналисты организовали свою мини-экспедицию, пытались договориться с местными проводниками, чтобы те отвели их на Чёртово городище, но те ни за какие деньги не согласились идти. В итоге они вместе с этими двумя мужиками, бывшими студентами того профессора, отправились в поход. Блуждали неделю в лесах, обошли каждый куст, но так и не смогли найти даже примерное место. Студенты утверждали, что, хотя и прошло больше тридцати лет, они хорошо помнили ориентиры, но почему-то всё равно никак не смогли привести журналистов в нужное место. В итоге фотограф сделал кучу красивых фоток, репортёр взял интервью у местных мужиков и студентов, и журналисты уехали в город готовить статью из того материала, что удалось достать. Кстати, мы вчера проезжали ущелье, которое есть на этих фотографиях, там ещё, если помните, было...

Громкий хлопок оборвал рассказ – не просто звук, а взрыв тишины, как будто сама реальность лопнула по швам. Кружка с водой, которую Андрей поставил на огонь, закипела – не с тихим бульканьем, не с паром, а с всхлипом, будто внутри неё закипала не вода, а кровь. Амулет, находившийся в ней, раскрылся, не плавно, не механически, а живо, как будто веками спавший зверь наконец раскрыл пасть. И начал издавать странный звук, похожие на ультразвук. Звук, который не слышали ушами: его чувствовали костями, песня боли, гимн безумия, зов из другого мира. Он впивался в череп, как сверло, разрывал барабанные перепонки, превращал мысли в кашу, в пыль, в ничто.

Андрей бросил кружку, не от страха, не от инстинкта, а потому что его тело отказалось слушаться. Он повалился на землю, как марионетка, у которой перерезали нити, и плотно прижал руками уши, но не для того, чтобы заглушить звук, а чтобы удержать мозг внутри черепа, чтобы он не вытек наружу сквозь глазницы. Саша и Борода в ту же секунду упали рядом, корчась, как рыбы на берегу, как жуки, перевернувшиеся на спину. Их тела дёргались, выгибались, сотрясались в такт невидимому ритму, как будто кто-то снаружи дергал их за нервы, как за крепко натянутые струны.

Свист – не просто свист, а вой пустоты разносился на несколько километров, проникая не в уши, а в самую суть бытия. Он не заглушался деревьями, не рассеивался ветром, он впивался в землю, в камни, в корни, в воздух. Птицы падали с веток. Звери замирали в норах. Даже ветер перестал дышать. Боль не физическая, не эмоциональная, а экзистенциальная, пронизывала каждую клетку, каждый атом, каждую мысль. Она не просто обездвигивала тело, она растворяла его, превращая плоть в дрожащую массу, лишённую воли, смысла, будущего. Андрею казалось, что мучения длились вечность: ни минуты, ни часы, а эпохи. Он потерял счёт времени, не потому что оно ускорилося, а потому что остановилось. Мысли путались, сплетались, рвались, как старая ткань. Он не понимал, что происходит, не потому что был глуп, а потому что разум отказался принимать. Он поддался боли, он не сдался, не сломался,

а слился с ней. Потому что боль – это не враг. Это искусный музыкант, древний, безымянный, с пальцами из льда и глазами из пепла. А его тело – это не жертва, это танцор, дёргающийся в такт мучительному ритму, в такт песне, которую пели стены, земля, небо и они.

Вдруг какое-то движение. Не звук. Не свет. Тень. Кто-то вышел из леса. Больше одного силуэта. Больше двух. Целая процессия. Группа незнакомцев направилась к лагерю, не бегом, не шагом, а скольжением, как будто их ноги не касались земли, а скользили по её поверхности, как по льду. Андрей заметил их, но не глазами, а инстинктом, как зверь чувствует хищника за спиной. Но сделать ничего не мог. Ни крикнуть, ни встать, ни даже вздохнуть. Его тело было не его, оно принадлежало звуку. Принадлежало боли. Принадлежало им.

Незнакомцы стремительно двигались в их сторону, не с криками, не с угрозами, а в глубоком, священном молчании, как процессия на похороны бога. Подойдя к лежащим, корчившимся от боли копателям, незнакомцы без малейшего сопротивления, потому что сопротивления не существовало в этом искусственном мире, связали им руки грубыми верёвками, пропитанными чем-то тёмным, липким, пахнущим медью и гнилью. Потом пленникам надели плотные повязки на голову, сотканые не из ткани или кожи, а из что-то живого, тёплого, пульсирующего, это как второй слой кожи, закрывающий глаза так плотно, что разглядеть что-либо не представлялось возможным, не просто темнота, а отсутствие света как понятия, как явления.

Затем один из пришедших – высокий, худой, с пальцами, похожими на когти, поднял валявшийся амулет. Не схватил. Не сгрёб. Взял. С любовью. Надавил на крышку всей ладонью, как будто произносил священную молитву. Сдвинул её в сторону, плавно, как ключ в смазанном замке. Крышка захлопнулась, с щелчком, с вздохом, как будто амулет заснул. И свистящий звук, тот самый, что разрывал мир, в то же мгновение прекратился. Не затих. Не утих. Исчез. Как будто его и не было вовсе. Как будто всё: крики, боль, муки не существовало, было сном. Их тела всё ещё дрожали. Кровь всё ещё сочилась из носов. Слёзы всё ещё текли из-под повязок.

Незнакомцы подняли с земли пленников, не схватили, не потащили, а возвели, как статуи, как идолы, как жертвенные дары. И повели их в сторону леса, откуда пару минут назад они вышли, не просто в лес, а вглубь, туда, где деревья смыкались, как челюсти, где тени становились плотнее воздуха, где начиналось то, что не должно было существовать.

– Кто вы такие, мать вашу?! Куда вы нас ведёте?! – со злостью, с отчаянием, с последней искрой человеческого достоинства выкрикнул Борода. Его голос был громким, но пустым, как крик в бездонном колодце.

Один из незнакомцев, не самый высокий, не самый страшный, а самый невзрачный, тот, от которого меньше всего можно ожидать получить удар, ударил его рукояткой кинжала по голове. Не со злобой. Не с яростью. С точностью. Удар пришёлся прямо в висок, но не чтобы убить, и не чтобы оглушить, а чтобы дать понять. Борода опешил от неожиданно полученного удара, не от боли, а от осознания: они не играют. Они не шутят. Он замолк, но не потому что испугался, он прозрел.

Андрей и Саша осознали всю бесполезность разговора, не логически, не разумом, а нутром. Да и вообще какое-либо налаживание коммуникаций не имело ни малейшего смысла, они чувствовали это. Поэтому шли молча, они не боялись, у них просто не было слов. Временами пленники спотыкались о камни, скрытые под опавшими листьями, или о торчащие корни деревьев, похожие на кости мёртвых гигантов, и падали, не на землю, а в бездну, на мгновение теряя связь с реальностью. Тогда похитители сильно натягивали верёвку чтобы напомнить: вы ещё здесь, вы всё ещё живы, вы всё ещё нужны. Это помогало упавшему подняться, не силой воли, а силой страха, и продолжить путь, но не к спасению, а к жертвенному обряду.

Прошло около четверти часа, а может быть полночи, прежде чем похитители остановились, они потеряли всякий счёт времени. Время здесь не имело никакого значения. Пленников

грубо усадили на землю, прислонив к стволам сухих деревьев, не живых, а мёртвых, с корой, похожей на чешую, с ветвями, изогнутыми в немом крике. И сняли повязки с глаз. Казалось, здесь всё было скорее мёртвым.

Перед ними открылось нечто, что невозможно было описать словами, не потому что слов не хватало, а потому что язык не был создан для этого. Это было капище, но не в том смысле, как его понимают археологи, не просто древнее святилище, не просто место поклонения, а живое, дышащее зло, пронизывающее воздух тяжёлым запахом пепла, железа и чего-то ещё, неуловимого, но чуждого, как будто сама земля здесь была больна, будто бы воздух был отравлен временем, как будто небо, стыдясь, отвернулось от этого места.

В центре поляны горел костёр, но пламя его было не красным, не жёлтым, а синим, почти фиолетовым, с редкими всполохами белого света. Пламя не шумело, не трещало, а шипело, как раскалённый металл, брошенный в воду, как дыхание змея, как песнь забвения. От этого огня не было тепла. Наоборот – он излучал холод, такой, что кожа покрывалась мурашками, а дыхание застывало в лёгких комом льда, как будто каждый вдох – это шаг ближе к смерти.

По сторонам от костра, на равном удалении друг от друга, в землю были врыты валуны, двенадцать гигантских каменных блоков, каждый размером с человека, каждый как будто живой. Их поверхности были искусно высечены, не руками, не инструментами, а мыслью, покрыты символами, которые менялись при взгляде: то напоминали глаза, полные ужаса, то пасти, жаждущие плоти, то сплетённые руки, молящие о пощаде или разрывающие плоть без пощады. Между этими валунами стояли послушники, фигуры, а не люди, в длинных, до земли, балахонах из потускневшей кожи, снятой не с животных, не с людей, а той, что снята с существ, не имеющих имён. Лица их скрывали глубокие капюшоны, но Андрей чувствовал на себе их взгляды. Они смотрели не глазами, они всматривались в самое нутро, сквозь плоть, видели внутренности, сердце, страх, грехи, воспоминания. Они видели всё.

За их спинами, у подножия обрывистой скалы, возвышался дольмен. Он был огромен, сложенный из пяти плит, четырёх вертикальных и одной массивной горизонтальной, перекрывающей вверх, но не просто сложен, а спаян, как единый целый организм. Его очертания были слишком идеальными для каменного века: углы чрезмерно прямые, как лезвие ножа, поверхность гладкая, как стекло, без единой трещины, без единого изъяна. А в центре лицевой плиты: маленькое окно, едва больше человеческой головы. Оно не было пустым. Оно смотрело. Как глаз. Как пасть. Как врата.

Из-за скалы гремел водопад, падая с высоты десятков метров, но даже его могучий рёв, неумолимый, вечный, не заглушал странный, мерный звук, исходящий изнутри дольмена. То ли стон умирающего мира. То ли бульканье крови в глотке чудовища. То ли смех, тихий, довольный, вечный. Звук, который не должен существовать в мире людей. Звук, который вызывал.

А потом начался ритуал.

Не с криков. Не с песен. Не с ударов в барабаны.

С тишины.

Тишины, которая давила. Тишины, которая дышала. Тишины, которая жила.

И в этой тишине он вышел из тени.

Часть II: Страшный ритуал

Раздался удар в барабан – один, глухой, как удар по гробовой крышке. Не просто звук, а удар по времени. По прошлому, ещё не похороненному. По будущему, ещё не рождённому. По самой плоти реальности, как будто кто-то снаружи вонзил иглу в ткань мира и потянул. Каждый, кто его услышал почувствовал, как его сердце на мгновение остановилось, будто невидимая рука схватила его в кулак и сжала, но не чтобы убить, а чтобы предупредить. Предупредить, что с этого момента всё будет иначе. Уже никогда не будет как прежде.

Потом второй удар. Глубже. Тяжелее. Будто бы земля вздохнула, просыпаясь от ночного кошмара, который длился тысячи лет. Воздух задрожал. Листья на деревьях застыли. Даже ветер перестал дышать. Этот удар не просто слышали, его чувствовали в животе, в костном мозге позвоночника, в самом центре души. Он говорил: «Вы уже не живые. Вы – приглашённые на этот праздник».

Третий – резкий, ломающий, как треск позвонков под секирой палача. Не звук, приговор. Приговор, вынесенный не человеком, не богом, а самим местом. Местом, которое ждало их. Местом, которое выбрало их. Место, которое жаждало их.

Ритм нарастал, становился частью сердцебиения пленников, он разносился по нервной системе, ритм был пульсом другого мира, в который они только что вступили не по своей воле, а по воле древних. Каждый удар – это ещё один шаг, приближающий неизбежный конец. Каждый ритм – это дыхание того, что спит. Каждая пауза – это взгляд из темноты.

Кто-то в темноте между деревьями начал играть на бубне, не на кожаном бубне и не на деревянном, а на человеческом черепе, натянутом тонкой плёнкой, похожей на пергамент, пергамент из памяти, из боли, из крика, застывшего в плоти. Звук был не гулким, а всхлиplyвающим, как плач ребёнка, которого никто не слышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.